УДК 94

Наталья КОРОВИЦЫНА

ВОСПРИЯТИЕ ЧЕШСКИМ НАРОДОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье анализируются особенности чешского исторического сознания, восприятия чехами исторического процесса, его ключевых событий и периодов, выдающихся деятелей, положительных и отрицательных персоналий. Рассмотрена уникальная серия сравнительных социологических исследований, проведенных на протяжении семи послевоенных десятилетий, в переломные моменты современной истории Чешской Республики – в декабре 1946 г., в ноябре 1968 г., в сентябре 1989 г., в сентябре 1992 г. – и двух десятилетий начала XXI в. Представлены результаты социологического исследования взглядов и оценок периодов и событий чешской истории, проведенного в марте 2018 г. в связи с «круглыми» датами чешской истории: 100-летием возникновения ЧСР, 50-летием со времени событий Пражской весны 1968 г., 70-летием годовщины февральских событий 1948 г. и 80-летием с момента подписания Мюнхенского соглашения 1938 г. Продемонстрированы исторические ориентации, характерные для различных социодемографических групп населения, и культурная и геополитическая идентичность современной чешской нации. В начале второго десятилетия XXI в. в чешском обществе отсутствовала четкая определенность в вопросе о культурной и геополитической принадлежности ЧР: около трети чехов отказывается связывать свою страну с Западом или с Востоком. Граждане в большинстве своем предпочитают решать этот вопрос компромиссно в пользу центральноевропейской принадлежности.

Ключевые слова: чехи, исторический процесс, историческое сознание, национальная идентичность, социальная дифференциация.

Ключевым вопросом любого общества является обращение к его корням, истории и особенно их отражение в сознании современников. В Чешской Республике спустя три десятилетия после революционных перемен актуализировалась проблема создания объединяющей общество концепции исторического процесса. На фоне высказываемых историками страны сомнений в возможности консенсуса в оценке исторических событий социологами предпринимаются попытки исследования исторического сознания людей, то есть существующих в обществе представлений о прошлом. Причем только в Чехии подобные исследования повторяются с середины XX в., став уникальным, не имеющим аналогов в других странах научным явлением. Это свидетельствует о непреходящей важности для чешского народа, его культуры темы исторического самосознания.

©**Коровицына Наталья Васильевна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра Вишеградских исследований Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. **E-mail:** korovicyna@mail.ru

В современном чешском обществе преобладает мнение, что образ прошлого в стране не устоялся и что в прошедшие десятилетия на фоне смены политических режимов история писалась с позиций победителей. Неудивительно, что и картина массового исторического сознания все время менялась. Из чешской национальной истории каждый раз выхватывались такие явления и события, которые символизировали идеалы и ценности очередного периода. Люди признавались, что в течение жизни могли менять свои представления об исторических событиях, сформированные в школе. Это касалось прежде всего взглядов на гусизм, церковь, послебелогорский период, освобождение в 1945 г., послевоенное выселение немцев и период социализма.

О смене доминирующих событий чешской национальной памяти свидетельствуют результаты социологических исследований, проведенных в переломные моменты современной истории Чешской Республики – в декабре 1946 г., в ноябре 1968 г., в сентябре 1989 г., в сентябре 1992 г., – и серии исследований последних двух десятилетий начала XXI в.

Первый опрос (1000 респондентов из Чехии и Моравии) провел Чехословацкий институт по исследованию общественного мнения при Министерстве информации ЧСР (функционировал до 1952 г.). Второе исследование осуществил в 1968 г. (662 опрошенных) Институт по изучению общественного мнения Чехословацкой академии наук (основан в 1966 г.). Последующие опросы проводились уже главным образом силами Центра по изучению общественного мнения Социологического института АН ЧР (ранее – Институт по изучению общественного мнения), а в последние годы – и кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных наук Карлова университета в Праге (под руководством *Иржи Шубрта*). Данные за отдельные периоды получены на основе вопросов, сформулированных по-разному, что препятствует их сравнительному анализу. Однако доминанты чешской национальной памяти все же видны из результатов этих опросов. (Вопрос формулировался таким образом: «Если Вы задумаетесь над историей чешского народа, какой период национальной истории назовете самым славным периодом подъема, развития?» Можно было выбрать три ответа). Что же они показали?

Сразу после окончания Второй мировой войны людьми акцентировался гусизм как период, символизировавший решимость чешского народа отстаивать свои национальные интересы и строить новое общество. Значение гусизма вышло на первый план еще в период национального возрождения в XIX в. В 50-е годы XX в. коммунистическая идеология также рассматривала гусизм как прообраз революционного движения, героическое восстание народа против феодальных угнетателей и реакционного католичества. Вторым по значимости событием для чехов в 1946 г. была эпоха Карла IV и третьим – период жизни людей того времени – 1945–1946 годы как проявление послевоенного оптимизма, связанного с концом войны и освобождением. Первая Чехословацкая республика тогда не считалась особенно важным историческим периодом, поскольку в памяти народа еще сохранялись воспоминания об экономическом кризисе 1930-х годов и завершении существования

республики в 1938 г. в результате принятия мюнхенского диктата. Временем наибольшего упадка тогда называли протекторат и оккупацию 1939–1945 гг.

Осенью 1968 г. как реакция на Пражскую весну и на события августа в условиях завершения периода неудавшихся реформ акцент общества был перенесен на свободу и демократию, в глазах людей теперь уже отождествлявшихся с Первой Чехословацкой республикой. Различная оценка межвоенного периода в 1946 и 1968 гг. была важнейшим сдвигом в историческом сознании под влиянием изменения массовых взглядов на действительность спустя два десятилетия. Периоды гусизма и Карла IV в 1968 г. отодвинулись соответственно на второе и третье по значимости места. Наиболее бесславными периодами были названы протекторат, послебелогорская эпоха, за ними шли августовское вторжение 1968 г., далее 1950-е годы и только потом Мюнхен. То есть у значительной части общества уже сформировалось критическое отношение к коммунистическому режиму, а довоенные события начали забываться и переоцениваться.

В дни 70-летия возникновения Первой республики, за два месяца до «бархатной» революции, обнаружился новый сдвиг в сознании чешского населения. Важнейшим историческим событием чехи чаще всего теперь считали создание Чехословацкой республики в 1918 г., словаки же – Словацкое национальное восстание 1944 г. И это был своего рода предвестник расхождения двух народов несколько лет спустя. Вторым по значимости событием для чехов в сентябре 1989 г. стало освобождение страны в 1945 г.

В 1992 г. на первый план в чешской среде вышел период правления Карла IV, «отодвинувший» на второе место Чехословацкую республику. Это произошло накануне распада федерации, поставившего под сомнение чешско-словацкую концепцию основателя и первого президента ЧСР *Т.Г. Масарика*. В то же время эпоха Карла IV считалась в тот момент временем, когда Чешские земли играли наиболее значительную роль в европейской истории. Начавшийся трансформационный процесс под лозунгом «возвращения в Европу» акцентировал этот отчетливо «европейский» период чешской истории.

Почти два десятилетия спустя, в 2010 г., период Карла IV все еще продолжал считаться большинством людей в Чехии временем наибольшего расцвета в национальной истории. Но за ним теперь следовали более отдаленные периоды: Великоморавская держава, эпоха Пшемисловичей, правление Марии Терезии и Йозефа II, национальное возрождение. В меньшей степени по сравнению с ними, но тоже позитивно оценивалась Первая республика. По данным конца 2013 г., однозначно вершиной своей национальной истории чехи считают эпоху Карла IV (38% опрошенных), со значительным отрывом от которой следует Первая республика (20%), на важность которой указывает все большая доля людей. Остальные периоды чешской истории выделяет уже гораздо меньшее число жителей страны. Представление общества о важнейших этапах своей истории в последние более чем десять лет фактически не менялось.

Исключение составляет дальнейшее уменьшение значения гуситства (с 9% в 2007 г. до 5% в 2013 г.). Если 90-е годы XX в. с точки зрения парадигмы «расцвет—упадок» находятся сейчас на грани позитивной и негативной оценки, то гуситство, официальные интерпретации которого в последнее столетие претерпевали изменения и которое воспринимается противоречиво поныне, оценивается людьми еще ниже. В этой связи любопытно, что для современного чешского общества уже не характерно преобладание симпатий к протестантизму, которые теперь не превышают ориентаций на католицизм. Хотя в целом для дефиниции современной чешской национальной идентичности ее религиозная составляющая теряет значение. Отрицательные оценки (по убывающей) преобладают в последние годы в случаях протектората, оккупации нацистской Германией, 50-х годов XX в., 1970-х и 1980-х годов («нормализации»). За ними следует современный период, начавшийся после 2000 г.

В связи с 15-летием раздела Чехословакии в конце первой декады 2000-х годов изучалась оценка этого события. Оказалось, что для 81% населения ЧР оно уже не актуально. По мнению $\frac{3}{4}$ общества, о причинах раздела не следует больше дискутировать. Возвращаться к распаду федерации как к значительному для чешской истории событию считает необходимым лишь треть опрошенных. Сторонниками сохраняющейся актуальности этой темы чаще являлись выступающие против необходимости раздела, нежели убежденные в его необходимости [Tabery, 2008].

Масштабное социологическое исследование взглядов и оценок периодов и событий чешско-словацкой истории проведено в марте 2018 г. в связи с «круглыми» датами: 100-летием возникновения ЧСР, 50-летием со времени событий Пражской весны 1968 г., 70-летием годовщины февральских событий 1948 г. и 80-летием с момента подписания Мюнхенского соглашения 1938 г. [Šervenka, 2018]. В связи с этими «восьмерочными» юбилеями в ЧР и одновременно в Словакии Центром изучения общественного мнения Института социологии АН ЧР проведено исследование, как граждане оценивают эти исторические события и их ключевых действующих лиц и как воспринимают различные события и эпохи исторического развития теперь уже двух независимых стран с начала XX столетия и до сегодняшнего дня. Опрошенным был предложен блок вопросов на эту тему. Опубликованы основные результаты этого исследования по Чешской Республике.

Прежде всего опрошенным было предложено оценить моменты и периоды чешской истории. Как показали результаты, наиболее позитивно из всех периодов истории и событий оценены «бархатная» революция ноября 1989 г., которую положительно характеризует 72% чехов и лишь 9% оценивают ее отрицательно. 14% воспринимают «бархатную» революцию амбивалентно или нейтрально. На втором месте с точки зрения различий между долей позитивно и негативно оценивших оказался период Первой Чехословацкой республики, который положительно воспринимает 66% чехов; доля негативно оценивших в данном случае ниже, чем у «бархатной» революции (5%), при высшей доле неопределившихся (15%). На третьем и четвертом местах с одинаковым различием в 39 процентных пунктов в

пользу позитивной оценки оказались 90-е годы XX в. вместе с возникновением и деятельностью Хартии-77. Первое из этих двух событий положительно оценила половина опрошенных, в том числе всего 12% однозначно и также 12% отрицательно. Второй пункт позитивно оценило тоже 50% опрошенных, хотя 20% однозначно, т.е. существенно выше, чем в предшествующем случае. Отрицательно оценивших здесь было лишь 11%. На пятом и шестом местах находится возникновение самостоятельной ЧР. Положительные оценки составляют 55%, негативные – 18%. Вступление ЧР в НАТО в 1999 г. позитивно оценило 52% респондентов, негативно – 15%, 25% нейтрально и 8% составили неопределившиеся.

С точки зрения различий между положительными и отрицательными оценками сразу вслед за ними следовала Пражская весна 1968 г., которую позитивно оценила почти половина (47%) опрошенных. Доля негативных оценок у Пражской весны составила всего 13%. Четверть (25%) опрошенных к Пражской весне относится нейтрально или со смешанными чувствами, 15% ответило, что не знает. На 8-м месте находится Словацкое национальное восстание 1944 г., которое позитивно оценило 42% чехов, негативно – 10%. Немного ниже, но достаточно положительно было оценено вступление ЧР в ЕС в 2004 г. Доля позитивных оценок составляла почти половину (49%). Напротив, негативное восприятие проявилось у более чем пятой части (22%) опрошенных. Причем 9% вступление ЧР в ЕС оценивало однозначно отрицательно. Доля нейтральных оценок вступления составила приблизительно четверть (24%). Наконец, современность (последнее место) положительно оценивают 43% опрошенных, 17% ее воспринимает негативно и более трети (36%) – одинаково позитивно и негативно.

У всех остальных включенных в список событий и исторических периодов, напротив, отрицательные оценки преобладают над положительными. Однозначно негативные оценки преобладают для ввода в Чехословакию войск государств Варшавского договора в августе 1968 г. и для протектората Чехии и Моравии. В первом случае доля отрицательных оценок составляет 76%. Во втором случае доля негативных оценок равна 74%. В обоих случаях одинаково 5% позитивных оценок и 10% нейтральных. 62% отрицательно характеризует подписание Мюнхенского соглашения в сентябре 1938 г. и установление коммунистического режима в феврале 1948 г. У Мюнхена доля негативных оценок составляет 69%. В случае февраля 1948 г. отрицательной оценки придерживалось 67%, 8%, наоборот, оценило его положительно. Явно негативно выглядела и оценка Словацкого государства 1939–1945 годов. В этом случае доля отрицательных оценок составляет 58%. Положительное восприятие проявилось всего у 4%. 50-е годы XX столетия отрицательно охарактеризовало больше половины (54%), позитивно их оценило менее десятой части (8%).

Более подробный анализ отдельных пунктов показал, что с возрастом повышается оценка февраля 1948 г. и умеренно – 50–80-х годов XX в., напротив, понижается оценка в случае «бархатной» революции, возникновения самостоятельной ЧР в 1993 г., 90-х годов XX в., вступления в НАТО и ЕС и современности. С ростом уровня образования ухудшается оценка автономии Словакии в рамках Словацкого

государства в годы Второй мировой войны, а также восприятие февраля 1948 г., 50-х годов, ввода в ЧССР войск Варшавского договора и 70–80-х годов. Напротив, чем выше уровень образования, тем лучше оценка возникновения и деятельности Хартии 77, «бархатной» революции, вступления в НАТО и ЕС. Также с улучшающейся субъективной оценкой уровня жизни повышается оценка Первой Чехословацкой республики, Пражской весны, возникновения и деятельности Хартии-77, «бархатной» революции, образования независимой ЧР, 90-х годов, вступления в НАТО и ЕС и современности, напротив, усиливается критичность в отношении февраля 1948 г., 50-х годов, ввода в ЧССР войск в августе 1968 г. и 70–80-х годов. С точки зрения самоидентификации на лево-правой шкале при движении слева направо повышается оценка Пражской весны и деятельности Хартии-77, «бархатной» революции, появления самостоятельной ЧР, 90-х годов, вступления в НАТО и ЕС и современности.

Следующий вопрос касался оценки различных чешских и словацких персоналий, связанных с чешско-словацкой историей со времени возникновения Первой Чехословацкой Республики в 1918 г. до современности.

Наиболее позитивно оценивается первый Президент ЧСР Томаш Гарриг Масарик – 84%, отрицательно – лишь 3%, нейтрально – 8%. Однозначно второе место в иерархии персоналий занимает совершивший самоожжение после ввода войск в 1968 г. студент Ян Палах, которого положительно оценило 67%, негативно – 6% и нейтрально – 16%. Третье место, близкое к четвертому, занял министр иностранных дел Чехословакии в 1940 – 1948 гг. Ян Масарик – с 57% «за» и всего 4% «против». На четвертой позиции правозащитник, последний президент Чехословакии (1989–1992) и первый президент Чехии (1993–2003) Вацлав Гавел – с 66% положительных оценок, но и с высшей долей негативных оценок – 14%. Пятое и шестое места с небольшим отрывом получили соратники Т.Г. Масарика Милан Растислав Штефаник и Эдвард Бенеш. В случае Штефаника положительные оценки достигли 48%, Бенеша – 50%, негативные – соответственно 6 и 12%. Седьмое место с долей позитивных оценок, близкой к половине, занял Александр Дубчек – первый секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии в январе 1968 – апреле 1969 г. – главный инициатор курса реформ, известных как Пражская весна. За ним следует Алоис Рашин – один из основателей и первый министр финансов Чехословацкой Республики. Первую десятку завершают два политика, связанных с Пражской весной 1968 г. и антифашистским сопротивлением, – Людвик Свобода и Йозеф Смрковский. За ними с 46% «за» и 32% «против» следует бывший премьер и нынешний президент Чехии Милош Земан.

На противоположном конце иерархии персоналий разместились Конрад Генлейн – немецкий нацистский политический деятель, наместник в оккупированной Германией Судетской области (56% отрицательно, 3% положительно) – и Карл Германн Франк – видный деятель нацистской Судетской партии периода Протектората Богемия и Моравия, один из руководителей оккупационного режима в Чехословакии (57% отрицательных оценок и 3% положительных). Большой перевес от-

рицательных оценок (63% над 10% положительных) у первого коммунистического президента и центральной фигуры февральских событий 1948 г. Клемента Готвальда. Четвертое и пятое места от конца заняли два политика, символизирующих период нормализации после августовских событий 1968 г., – бывший Генеральный секретарь ЦК КПЧ и последний «доноябрьский» президент Густав Гусак (58% отрицательно и 10% положительно) и секретарь ЦК КПЧ Васил Биляк (52% отрицательно и 5% положительно). Отчетливо негативно оценен и шестой с конца президент Первого Словацкого государства Йозеф Тисо (48% отрицательно и 5% положительно). Чуть выше оценка его чешского аналога Эмила Гахи – президента Протектората Богемии и Моравии (41% «против», 10% «за»). Преимущественно негативно опрошенные охарактеризовали основателя и многолетнего лидера Глинковой словацкой народной партии, которую после его смерти возглавил упомянутый Й. Тисо (34% «против», 7% «за»). Менее явный перевес негативных оценок при довольно высокой доле положительных оценок отмечен у двух коммунистических президентов и первых секретарей ЦК КПЧ Антонина Новотного (33% «против» и 15% «за») и Антонина Запотоцкого (36% «против» и 21% «за»).

Следующий блок вопросов касался тезисов о ключевых событиях чешско-словацкой истории последнего столетия, с которыми надо было либо согласиться, либо не согласиться. Так, с тезисом «коммунистическая партия в феврале 1948 г. имела поддержку большей части населения, которое после разочарований от великого экономического кризиса, Мюнхенского соглашения и немецкой оккупации верило, что создает лучшее и более справедливое общество» соглашалось около 60% населения. Большинство чешского общества видело в коммунистах альтернативу лучшему будущему. Подробный анализ показал, что согласие с этим пунктом повышается с возрастом людей и с нарастанием самоидентификации с левыми взглядами, с негативной оценкой «бархатной» революции и деятельностью Хартии 77. Достаточно однозначно чешское общество склоняется к мнению, что «установление коммунистического режима в феврале 1948 г. было результатом того, как победившие великие державы после Второй мировой войны разделили сферы влияния в Европе». С этим мнением согласилось почти 2/3 граждан.

В случае тезиса «четыре десятилетия правления коммунистической партии принесли населению Чехии развитие экономики, образования и уровня жизни» согласие выразило меньшинство – треть респондентов, а не согласилось более половины (54%). В этом вопросе отчетливо прослеживается социально-демографическая дифференциация. Согласие явно нарастает с возрастом людей и уменьшается с повышением уровня образования. Прослеживается отчетливая связь с политической ориентацией. Согласие взаимосвязано с принадлежностью респондентов к левой части политического спектра. У правых доминирует несогласие, причем несогласие решительное. Кроме того, согласие с этим тезисом связано с позитивной оценкой февраля 1948 г., 50–80-х годов, с вводом войск государств Варшавского договора, напротив, с сильной негативной корреляцией с оценкой «бархатной» революции, деятельностью Хартии-77, а также персоналий: Масари-

ков, Штефаника, Рашина, Крамаржа, Палаха, Гавела и Клауса. Напротив, согласие с утверждением об экономическом и социальном вкладе коммунистического режима позитивно коррелирует с именами Готвальда, Запотоцкого, Новотного, Свободы, Гусака, Биляка и Земана.

С тезисом «в ходе Пражской весны 1968 г. речь не шла о действительной демократии, а только о борьбе двух фракций внутри КПЧ» согласилось более трети (36%), а 40% не знали, как ответить на этот вопрос. Тезис «коммунисты-реформаторы во главе с Александром Дубчеком были политически наивными» позитивно коррелирует с вышеназванным тезисом «компартия имела в феврале 1948...» и с тезисом «в ходе Пражской весны 1968 г. речь не шла о действительной демократии, а только о борьбе двух фракций внутри КПЧ». С изречением «представители Чехословакии, которые после ввода войск государств Варшавского договора избрали правильную линию поведения, когда подписали московский протокол, чтобы предотвратить кровопролитие» согласилось 26% граждан, а не согласилась лишь треть (33%) при 41% колеблющихся.

В оценках отдельных событий национальной истории обнаруживаются определенные различия во взглядах возрастных и образовательных групп населения. Люди в возрасте старше 60 лет несколько чаще остальных называют периодами расцвета эпохи гусизма, национального возрождения и конец 60-х годов XX в. Для молодежи более привлекательна Первая республика, а гусизм, согласно современным учебникам истории, скорее считается периодом упадка. В случае Первой республики сказывается разрыв в преемственности познания этого периода во второй половине XX в. – он касается 30–60-летних. Напротив, молодежь (18 – 29-летние) и люди в возрасте старше 60 лет хорошо знакомы с этим историческим периодом и воспринимают его только позитивно. Опрошенные с высшим образованием более склонны выделять период правления Рудольфа II, эпоху барокко, национальное возрождение и Первую республику. Верующие чаще, чем неверующие, упоминают Великоморавскую империю, время правления Карла IV, а также национальное возрождение и Первую республику. Следует заметить, что в отношении гусизма и барокко во взглядах верующих и неверующих не обнаруживается значительных различий.

Любопытно, что разделительную линию между сторонниками и критиками развития после 1989 г. создают не столько возрастные и образовательные факторы, сколько политическая ориентация (самоопределение по лево-правой шкале) и партийные предпочтения людей. Но наиболее важная детерминанта деления этих двух групп чешского общества, как свидетельствуют все эмпирические исследования, – материальное положение людей. Те, кто, по их собственному признанию, хорошо обеспечены, в подавляющем большинстве одобряют новый курс, а малообеспеченные его критикуют.

В первую декаду XXI в. взгляды и ожидания людей – экономические и политические, – их систему ценностей, удовлетворенность жизнью стало предопределять не что иное, как субъективное восприятие уровня жизни своего домохозяйства.

Этот показатель выполнял ту же социально-дифференцирующую функцию, что и уровень образования в период социализма. После либерально-демократических реформ 1990-х годов и перехода от социализма к капитализму развитие общества и образующих его домохозяйств предопределяли экономические факторы, сформировались два основных лагеря – обладателей высокого и низкого уровней жизни, или «адаптировавшихся» к радикально изменившейся вестернизированной системе и так называемых неприспособившихся с соответствующими социокультурными характеристиками. Наиболее успешные в материальном отношении группы людей стали основой нового политического режима [Коровицына, 2011].

Социологи интересовались мнением граждан о том, чего было больше в чешской истории – поражений или побед. Одна (меньшая) часть общества склоняется к представлению о преобладании побед и в качестве главного аргумента использует факт, что чешский народ все еще существует, не исчез и обладает независимостью. Другая часть считает, что в чешской истории было больше поражений прежде всего потому, что чехи как малый народ всегда зависели от великодержавных интересов других государств.

Важный вывод чешских социологов, изучающих общественно-историческую рефлексию населения страны, заключается в том, что периоды до и после 1989 г. различаются не столь радикально, как можно было ожидать с учетом сохраняющегося, преимущественно позитивного, восприятия самой «бархатной» революции. Люди не видят значительных отличий в нынешнем состоянии общества от периода «нормализации» [Procházková K., 2006]. Почти половина (44%) населения считает, что не удалось реализовать один из лозунгов ноябрьских событий, «Назад в Европу», выразивший смену геополитической и культурно-цивилизационной ориентации страны и выравнивание с экономическим уровнем западных стран, их жизненными стандартами.

В начале второго десятилетия XXI в. в чешском обществе отсутствовала четкая определенность в вопросе о культурной и геополитической принадлежности ЧР к Западной или Восточной Европе: около трети чехов отказываются связывать свою страну с Западом или Востоком. Граждане в большинстве своем предпочитают решать этот вопрос компромиссно в пользу центральноевропейской принадлежности. В случае необходимости выбора идентичности – западноевропейской или восточноевропейской – в 1,5 раза чаще предпочтение отдается Западу. Причем даже в среде людей левой политической ориентации и противников евроинтеграции восточноевропейская ориентация не является преобладающей [Historické vědomí, 2013: 187].

Чехи отличаются низкой склонностью к пространственной мобильности (почти 90% их никогда не жили за пределами ЧР дольше одного года, а три четверти никогда не покидали места своего рождения), их стремление к изоляционизму имеет глубокие исторические корни [Nedomová, Kostecký, 1997: 82]. Поэтому больше всего они привязаны к своему городу (86% чувствуют близкую связь с ним) и региону проживания (80%), а также к своей стране (76%). Относительно слабее общ-

ность чешских граждан с Европой (54%). В период 2001–2013 гг. зарегистрирован ощутимый спад в тесноте связей чешского населения со своей страной (на 14 процентных пункта) и Европой (на 17 процентных пункта) [Čadová, 2013]. Одновременно с вышеупомянутым уменьшением чувства патриотизма в Чехии в этот период достигло исторического минимума ощущение причастности к Европе: европейцами себя считало менее 2/3 населения.

В начале второго десятилетия XXI в. на фоне роста неудовлетворенности населения ЧР ходом общественного развития, а также способами решения долгового кризиса еврозоны, в условиях евроскептических настроений во власти шла практически универсальная переоценка людьми состоявшегося почти десятилетия назад вступления страны в Евросоюз. Половина чешских граждан называли в 2010 г. его влияние чрезмерным (в середине 1990-х годов так думало явное меньшинство, а в первой половине нулевых – около 40%). Недовольство большинства вызывали прежде всего бюрократизация членства в ЕС, а также сомнения в полноправных возможностях страны в союзе и соотношении преимуществ и убытков от участия в нем. Поддержка перехода с национальной валюты на евро сократилась, независимо от социальной принадлежности людей, с середины первого десятилетия 2000-х годов более чем вдвое. По данным середины 2013 г., граждане ЧР демонстрировали наименьшую среди четырех посткоммунистических стран Центрально-Европейского региона готовность перейти на евро: 3/4 населения высказывались против, причем решительно против выступала почти половина чешского общества [Červenka, 2013].

Хотя чехи не склонны отождествлять себя с восточноевропейцами, принадлежность к славянству для их преобладающего большинства, по опросным данным, является ныне бесспорной. Люди считают, что их роднят со славянами помимо похожего языка общий менталитет и традиции. В Чехии говорят: «Если посмотреть чуть южнее или на Америку, то это совсем другое мышление». Очень близкой остальным славянским культурам чешскую культуру считают 35% и скорее близкой еще 57% чехов. То есть в общей сложности около 90% населения говорят об этой близости независимо от социально-демографических параметров, образования и политической ориентации, и это является, по утверждению социологов, неоспоримым фактом. Факторы языкового родства, в меньшей степени – географического положения, отчасти общей истории оказались в конечном счете первостепенными.

Вскоре после крушения коммунизма отмечались чрезвычайно высокие, пережившие кульминацию в первой половине 1990-х годов симпатии чехов как самых западных славян к, так сказать, «культурно приемлемым» для них народам США, Великобритании, Франции, Австрии, в меньшей степени Германии. Напротив, на своих посткоммунистических соседей – Польшу и Венгрию – в чешской среде сначала смотрели с чувством превосходства, и даже словаки и Словакия после раздела федерации не фигурировали во главе иерархии симпатий. Ситуация изменилась на рубеже столетий, когда Словакия возглавила эту иерархию, а две другие страны

Вишеградской четверки – Польша и Венгрия (в последние годы, правда, отношение к ним имело тенденцию к ухудшению) – также оказались впереди [Červenka, 2011].

Если культурная идентичность населения ЧР связана главным образом с его принадлежностью к славянской цивилизации, то политическая идентичность формируется объективным историческим опытом и обусловленным им доверием или недоверием к другим народам. Своими ближайшими союзниками чехи по состоянию на 2011 г. единодушно (около 90%) считали родственные им соседние славянские народы – словаков и поляков, гораздо реже другие народы: австрийцев – 43%, англичан – 34, французов – 33, американцев – 30, немцев – 27, русских – 22%. Русских, как оказалось, чешские граждане вдвое чаще боятся, чем воспринимают как союзников. В случае американцев и немцев эти два «крыла» уравновешены, причем дифференцирующим фактором является приверженность левой или правой части политического спектра: сторонники первых чаще воспринимают как союзников русских, а сторонники вторых – американцев. Таким образом, русские занимают особое положение в чешском историко-геополитическом сознании. Среди народов Вишеградской четверки русским доверяют больше всего словаки (каждый третий), тогда как среди чехов, поляков и венгров – только каждый пятый [Historické vědomí, 2013: 196–197].

Таким образом, историческое сознание и политическая идентичность чешского народа не инвариантны, а являются отражением существующих общественных реалий, символизирующих данный период идеалов и ценностей. С течением времени и в переломные моменты истории люди начинают смотреть на прошлое и взаимоотношения с окружающими народами новыми глазами, что отчетливо видно на богатейшем историко-социологическом чешском материале. Переоценка обществом неолиберальной трансформации конца XX в. способна привести к новым сдвигам в исторических и геополитических ориентациях жителей динамично меняющегося во втором десятилетии 2000-х годов Центрально-Европейского региона, к которому принадлежит Чехия.

Список литературы

Коровицына Н.В. История второй половины XX века в зеркале чешского общественного мнения // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 55 – 65.

Коровицына Н.В. Чехи об истории // Историк-славист: призвание и профессия. М., СПб., 2013. С. 290 – 309.

References

Čadová N. (2013) Důvody hrdosti a studu na české občanství – říjen 2013 // Tisková zpráva CVVM. Praha. Sociologický ústav AV ČR. 21.11.2013.

Čadová N. (2013) Vztah českých občanů k České republice // Tisková zpráva CVVM. Praha. Sociologický ústav AV ČR. 08.11.2013.

Červenka J. (2013) Hodnocení členství v EU a postoj k euru v středoevropském srovnání – léto 2013 // Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 09.10.2013.

Červenka J. (2011) Postoje česků k jiným národnostem a zemím // Socioweb. 2011. № 3.

Historické vědomí obyvatel České republiky perspektivou sociologického výzkumu. (2013) Pr., 2013.

- Korovitsyna N. (2013) Chekhi ob istorii // Istorik-slavist: prizvanije i professija. M., SPb, 2013. S. 290-309.
- Korovitsyna N. (2011a) .Istorija vtoroj poloviny XX veka v zerkale cheshskogo obschestvennogo mneni-ja // sociologicheskie issledovanija. 2011a. № 6. S. 55-65.
- Korovitsyna N. (2011) Cheshskij chelovek v pervom desjatiletii 2000 godov. M., 2011.
- Nedomová A., Kostecký T.(1997) The Czech national identity // Czech sociological review. 1997.№ 1.
- Procházková K. (2006) Srovnání poměru dnes a před rokem 1989 // Tisková zpráva CVVM. Praha. Sociologický ústav AV ČR. 09.11.2006.
- Šubrt J., Vinopal J. (2010) K otázce historického vědomí obyvatel České republiky // Naše společnost. 2010. № 1.
- Tabery P. (2008) Náznaky obyvatel na rozdělení Československa // Tisková zpráva CVVM. Praha. Sociologický ústav AV ČR. 17.01.2008.
- Tuček M. (2013) Významné osobnosti, období a události české historie – říjen 2013.
- Volby a voliči 2010. (2012) Pr., 2012.

Perception of National History by Czech People

Author. *Korovitsyna N.* Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of Europe Russian Academy of sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya st., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** korovicyna@mail.ru

Abstract. The article analyzes the specifics of Czech historical consciousness, Czech perception of historical process, its key events and periods, prominent figures, positive and negative personalities. The author uses unique series of comparative sociological studies during seven after war decades, conducted at the critical moments of contemporary Czech Republic history – December 1946, November 1968, September 1989, September 1992 and studies of the two decades of the 21st century. He also describes the results of a large scale of sociological study of views and estimates periods and events of Czech history, revealed on March 2018 in connection with “jubilee” dates of Czech history: 100 years of CR rise, 50 years of Prague Spring events, 70 years of February spring events, 80 years from the moment of Munich agreement of 1938. The author states that at the beginning of second decade of 21st century in the Czech society there was absent clear determination of the problem of cultural and geopolitical belonging to Western or Eastern Europe. Majority of citizens preferred to solve this question at the compromise way as Central European belonging.

Key words: Czechs, historical process, historical consciousness, personalities, national identity, social differentiation.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720183446>